

ходимое, «per porre i figliuoletti all' emulazione di studiare e di applicarsi con più effetto alle lettere» («что могло бы привлечь юношей к занятиям и наиболее содействовать обучению»). Особо было желательно для капуцинов иметь текст латинской Библии с толкованиями ввиду необходимости пользоваться ею при беседах со школьниками, «i quali hanno già principiatosi d'andarlo e ritrovare in schoola» («они привыкли находить ее в школе»).⁸²

Мы не имеем материала для суждения о том, как в дальнейшем развернулась школьная деятельность отца Бонавентуры в Астрахани, не знаем ничего о составе его учеников, их успехах, об отношениях русской и нерусской среды к этой школе. Но и приведенные сведения представляют интерес, особенно если прибавить, что нам известно имя еще одного из учеников капуцинов В. К. Тредиаковского.

В. К. Тредиаковский обучался у капуцинов скорее всего в 1719—1720 и следующих годах. Кто именно из капуцинов был его непосредственным руководителем, сказать трудно, но вполне возможно, что это был — между иными — и патер Антоний Мариа д'Амелиа, переехавший из Грузии в Астрахань в 1718 году и затем более двух лет оставшийся тут единственным католическим священником. Он развернул в Астрахани весьма активную деятельность, опираясь, несомненно, на поддержку губернатора Артемия Волынского. Не исключено, что последний сыграл известную роль и в направлении Тредиаковского к капуцинам для воспитания и обучения, — эту мысль высказал много десятилетий назад Л. Н. Майков, и она не лишена вероятности, поскольку Тредиаковский, как известно, поддерживал и в дальнейшем сношения с Волынским. Возможно, что последний, покровительствовавший капуцинам в Астрахани ради их педагогической деятельности, счел полезным направить именно к ним юношу, проявлявшего уже тогда заметные способности.⁸³

Педагогическая деятельность астраханских капуцинов развивалась в далеко не спокойной обстановке. Католическим миссионерам приходилось все время бороться с различными трудностями и препятствиями. Самое водворение их в Астрахани произошло в 1716 году без особого соглашения с русской центральной властью, в порядке простого признания факта появления капуцинов. Со стороны местных представителей власти, в частности со стороны обер-коменданта М. Чирикова, или, позже, губернатора Артемия Волынского — они встречали поддержку и помощь. Затруднения появились уже в 1721 году, когда сначала коллегия иностранных дел, а затем принявший католическую миссию в России в свое ведение Синод заинтересовались правовой стороной положения католического духовенства в Астрахани и характером его деятельности. Местные православные церковные власти также проявляли некоторое предубеждение в отношении капуцинов, что было сообщено и самому Петру I, когда он в 1722 году посетил Астрахань на пути в Персию. Тогда Петр лично познакомился с местными капуцинами. Среди них был названный выше патер Д'Амелиа, который, судя по его собственным рассказам, дважды беседовал с царем, весьма благосклонно отнесшимся к его начинаниям.⁸⁴ Это могло быть скорее всего в середине июля или в течение октября и ноября 1722 года, когда Петр на некоторое время задержался в городе.

⁸² Там же, стр. 10—11.

⁸³ Ср.: Л. Н. Майков. Молодость В. К. Тредиаковского, стр. 5 и сл.

⁸⁴ Д'Амелиа писал: «la sua (царя) venuta fu di somma consolazione al Padre ed alli cattolici, posciocché tanto nella prima quanto nella seconda audienza havuta dal Padre Sua Maesta si compiacque d'approvare il tutto e con somma benignità si chiamó contento di quanto il Padre havea ivi stabila o» (Приезд царя был высшим утешением для священника и иных католиков, так как Его Величество как при первой, так и при второй аудиенции одобрил все представления миссионера и с большой милостью проявил согласие или удоволь-